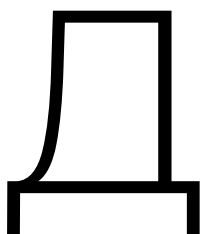

Содержание

Голос из ничто	7
Утопи мою голову!..	37
Жених	53
Гроб	70
Ковер-самолет	83
Не те	93
Учитель	101
Когда заговорят	114
Последний знак Спинозы	126
Нога	140
Смерть матери	152
Человек с лошадиным бегом	159
Пальба	166
Макромир	171
Главный	176
Упырь-психопат	190
Сказка	199

Голубой	211
Яма	220
Рационалист	235
Сельская жизнь	241
Прикованность	248
Дневник молодого человека	253
Петрова	263
Изнанка Гогена	270
Полет	297

Голос из ничто

Дело это давнее, малодоступное, поэтому теперь, когда меня не существует, я могу рассказать обо всем по порядку.

Начну с того, что я с этого летнего утра начал беспрерывно жрать. Сначала одну котлетку в рот окунул, потом другую...

И казалось мне, что я перевариваю самого себя... Под конец я две банки коричневого соуса съел. Съел, прикорнул на подоконнике и подумал: “Слава те господи!”

Раздулся я, в общем, и ничего в себе не чувствовал. Потом, пошатываясь, вышел на улицу.

Мир как-то до странности оступел, точно движения приобрели олигофреническую направленность. Я и мороженое кушал как-то пугливо-ненормально, и оберточная бумага прилипла к моим губам. Я так и шел с ней, как с трепыхающимся продолжением губы.

В уголок помочиться зашел, на алмазы драгоценные за витриной глядел. “И откуда такое сияние”, — удивлялся я.

Не разбирая сам как, что да почему, оказался я за большими домами. Окон на них в вышине видимо-невидимо, и все поблескивали, точно со значением.

Ну там опущу всякие гадости, только за помойкой и трубой, идущей из земли, увидел я сытого грязного человека, который валялся на земле. Одежка на пузе его была распахнута, так что живое показывало свой вид. Волосье на нежной черепной коробке было беспорядочно и напоминало мелькающие тени. Человечек не то был пьян от водки, не то от трезвости ума своего, но поминутно рычал, слегка пассивно катаясь по земле. Тайное, в скорлупе тупости моей, тихо шелохнулось.

Тронул я незнакомого калошей, чтоб он привстал. Незнакомец присел, опираясь на задницу свою, как на гнездо. Пошарил вокруг себя рукой, уставившись на меня мутными, непростыми глазами.

— Кто вы? — строго спросил я.

— Ангел, — ответил незнакомец. — Небожитель я...

Опущу здесь некоторые знамения, подтверждающие его слова, но потом пошли мы с этим небожителем в подвал, что напротив.

— Как же вы так опустились? — ужаснулся я, глядя на него.

Вид его, выражающий внутреннее, был действительно дик и ничем не радовал глаз. Даже виднеющееся голое тело висело телесными лохмотьями. А башка почти совсем не варила. Первое время он просто мычал. Но потом мы наконец разговорились. И все сразу стало до удивительности мрачно и серьезно.

— Отчего у меня такой гнусный вид, — начал Ангел, поминутно рыгая и прополаскивая горло какой-то вонючей жидкостью, — вам будет понятно, если только я расскажу вам об устройстве всего творения... Должен сказать, что я был не просто ангелом, а еще более великой самосущностью — метагалактическим сознани-

ем — и, можно сказать, почти созерцал Абсолют, или, попросту говоря, Главнокомандующего, Самого... Хе-хе... Так вот, о главном принципе мира сего... Да, кстати, может, испражнимся? — блудливо-непонятно спросил меня Ангел.

Мы присели в углу у ящиков с разбитыми, как голочки, лампочками, и он продолжал:

— Весь бредок в том, что Абсолют, в котором заключено все высшее знание, как вам сказать... скучает... Не то слово... Скажем просто: от полноты абсолютного бытия своего стремится к своей единственной противоположности, к абсолютному Нулю, к Ничто, которое притягивает Абсолют, как единственная реальность вне Его. Заметьте только, что я объясняю только ту причину стремления Абсолюта к Нулю, которая вам, человекам, доступна. Итак, самоуничтожение — единственный вид деятельности для Абсолюта. Зная все, Он стремится к сладостному исчезновению, но так как сразу перейти от полного-то бытия к нулю весьма и весьма загадочно, немислимо даже для Творца, то... — Ангел на минуту запыхтел, — то... Его чудовищное стремление к самоуничтожению выражается в том, что Он постоянно отчуждает, низводит Себя на низшие ступени духа, сначала низводит до уровня метагалактического сознания, потом все ниже и ниже, с трудом, по порядку, степенно, наконец появляемся мы, ангелы, потом вы, человечество, а отсюда недалеко и до всяческих вшей и минералов. А вши и минералы — это всего-навсего гаденькое, мутное полуощущение; почти конечная цель Творца; почти Ничто, но до полного небытия дойти... не так просто; тайна сия велика есть... тяжек, тяжек путь к Ничто... Анти-Голгофа... И сам акт творения, и его результат: мир, как вы видите, всего лишь средство

для Творца, чтобы покончить самоубийством, истечь через творенья Свои в Ничто...

Между тем мы уже кончили испражняться и уселись у подвального окна, еле выходящего из-под земли, так что мир, виденный оттуда, был вполне дефективен: мы видели только беспричинные ноги проходивших мимо людей и обособившуюся у окна травку.

— Творцу, — продолжал Ангел, — трудно прийти к своей цели еще потому, что каждая отчужденная ступень Его творения (даже метagalacticкое сознание) уже не является Абсолютом, а, имея в себе только часть Творца, истинная, стремится к своей гибели; другая — вздох каждой твари, ее стремление, возникшее из ее недостаточности, вверх, к более высшему существу. Но низшее все равно с трудом достигает высшего; и даже если возмечтать, что какая-либо о себе мнящая тварь, пройдя все ступени, сольется с Абсолютом, то, будучи с Ним слита, опять почувствует, как в замкнутом круге, стремление вниз, к Ничто...

Ангел немного примолк и посмотрел на окружающее так, как будто все было предназначено для его речи. Поганая кошка заглянула к нам в разбитое окно.

— Вы, людишки, — умиленно, но мутно предчувствуя в себе визг, продолжал Ангел, — полагаете, что Творец, дескать, создал сначала низшее, амебное, а потом это развилось до высших форм; это вам так кажется по химеричности времени; а по сущности — наоборот; не человек “произошел” от обезьяны, а, напротив, обезьяна — от человека; и так дальше вниз — до клопа, до вши, до червя... Правда, это не значит, что творение всегда происходило в такой временной последовательности, но по сущности — всегда. Или... Ну, впрочем,

дальше вас все равно не понять... Спонтанный закон деградации — вот закон Бога, — вдруг завизжал Ангел, — ибо Творец — самоубийца; и мир этот еще существует только потому, что стремление Бога к самоуничтожению уравнивается отчаянной жадной тварей — мутных частиц Его самого — подняться обратно вверх; и таким образом в мире поддерживается относительное равновесие; равновесие, позволяющее только существовать, а отнюдь не гармония... Гармонии — нет, не было и быть не может! — забрызгался Ангел, покраснев от злобы.

Хорошо помню, что во время этих речей я стал чуть приплясывать на одном месте.

— Продолжайте, продолжайте, — утробно бормотал я.

— Так вот, — осклабился Ангел, — когда я, еще будучи метagalacticким сознанием, проник в тайный закон Творца, понял, что стремление вверх — иллюзорно, что мы в клетке, я страстно захотел исполнить этот божественный закон деградации, приобщиться к всеобщему, слиться, можно сказать, с единственным желанием Абсолюта; войти в него... Вы, наверное, понимаете, плясун, что индивидуальное самоубийство бессмысленно даже для вашего племени, оно — просто иллюзия. Нужно было следовать по пути родового самоубийства, то есть неумолимо превращаться в низшие по уровню существа, вниз по эволюционной лестнице... Ну так вот... С помощью эзотерических тайн, выполняя волю Божью, я стал деградировать... Туда-сюда... Туда-сюда... Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Был я и Ангелом... И вот теперь я — человек, перед вами, — и Ангел плюнул мне в лицо. — Только

не пляшите, это действует на мои нелепые нервы... Я и ряд тайн эзотерических сохранил, чтоб дальше идти... Моя интимная мечта, — причмокнул он, наклонившись к моему демонически развеселившемуся личику, — превратиться в свинью. Жирную такую и вонючую. И жрать собственных поросят... Это от метагалактического сознания до свиньи... Недурен путь... а? — закончил он.

Тайное, отдалив тупость мою, нарастало. Я весь как бы раздулся в тайну во плоти и оттого вспотел. Глазки мои невидимо-черно блестели, и сердце выстукивало самое желанное.

Теперь уже я мог проявиться вовне и сам пощупать своего дружка.

— Скажите, — понятливо выговорил я, — а не вы один, наверное, там, наверху, вознази замысел Творца?.. Как там сами?!

— Конечно, конечно, — захихикал человек, — некоторые уже давно превратились в клопов или в бабочку-однодневку... Великие были личности, оттого так далеко и пошли.

— Я так и знал, — засмеялся я, содрогаясь. — Пойдемте к свету... Ну его, подвал... Чего-то страшно стало.

Мы вышли на свет. Кругом не было ни души. Одни только мертвые здания, выпустив людей на работу, переговаривались окнами... Да торчала труба у помоек.

— Так вот, — захлебываясь, начал я, — теперь я о себе буду говорить. Я, конечно, не был осведомлен, что наш Творец — самоубийца и весь наш тварный мир — не что иное, как безграничный, спонтанный акт самоубийства Творца. Но знайте, что, независимо от всего этого... — мне захотелось почему-то впиться в жирную

морду деградирующего Ангела, — независимо от всего я из своих личных мыслей и пакостно-омерзительных желаний уже давно стремился к самоуничтожению, к полному нулю... И знаете почему: всю жизнь, еще с детства, когда я был маленьким истеричным садистом и жалким насекомым, меня жгла злоба... Неистовая злоба из-за того, что я не Бог. Я вырос в очень нежной, откормленной семье: все мне потакали; няньки, как рабы, надевали на меня носочки и штанишки; очень рано я познал этих женщин, и они всегда подчинялись мне, потому что я не любил их, общаясь только с собственным наслаждением; у нашей семьи были деньги и очень большие возможности на земле... более того — я знал это совершенно реально и твердо, — во мне таились весьма необычайные интеллектуальные возможности... Добавьте, что почти с трех лет, как только я стал себя сознавать, я был законченный и самый патологический эгоист, какие только существуют на земле... Две вещи приковывали мое вожделение: высшая (то есть, разумеется, не формальная, не политическая например) власть и гениальность. Могущество видимое и могущество духовное. Ради них, этих двух чудовищ, я был готов на любое преступление против мира и человечества... Еще подростком, лежа в кровати, я сублимировал свое будущее... И я мог бы пойти этим путем, если бы не эта жуткая крайность... эта мысль о Боге... Она жгла меня, постепенно пламеня... Ну и что ж, если я буду обладать высшей властью и гениальностью, думал я, ведь все это так далеко от абсолютного всемогущества... Ничтожно, ничтожно... Это только его жалкие тени... А мне надо все... И мыслимое, и немислимое... Я вспомнил всю призрачность

власти и ограниченность гениальности, пусть даже откровения, перед абсолютным... И я понял, что мой безграничный эгоизм никогда не найдет на земле себе успокоения, что ничто не насытит его прозорливости; что даже гениальность и высшая власть — всего лишь неутоляющие призраки, миражи... Это сразу убило во мне всякое желание идти по этому пути и вообще чего-либо достигать... Обладая возможностью достичь многого, я, потакаая похоти эгоизма своего, бросил все и зажил дикой, уединенной и озлобленной жизнью... Мне все равно не достичь могущества Бога; все равно я не Творец, не Абсолют; так зачем же вся эта суета, эта погоня за мнимым величием... То, чем я мог бы обладать, теряло свое значение; не няньки должны нежить ножки мои, а мир, весь мир, в том числе и Творец, злобно думал я... Очень многое, что другим людям и не снится, уже имеющий и очень многим обладающий потенциально, я вдруг заболел жутким комплексом неполноценности... комплексом неполноценности перед Абсолютом. Что бы я ни делал — все виделось мне ничтожным пред силою Бога, которой я мерзко и потаенно завидовал... и которую хотел понять... Я отрекся ото всего, забился в угол и только иногда делал вылазки, пугая беззащитное, но больше мучая самого себя своим бессилием, потому что в конце концов, если б я был Богом, то мог бы мучить весь мир, а не только кошечку или Наденьку... Родители и братья, которые делали свои внешние успехи, поражались моей мракобесной и отъединенной жизнью, а мне были смешны их убогие, земные достижения. И во мне, в гное и черном хлебе, грызлась теперь одна мысль: что бы найти такое, в чем бы сравняться с Абсолютом или

отомстить Ему... Отомстить за все: за воспаленные глазки мои, за обреченность желаний моих, за слабоумие, за то, что во дворе холодно, когда мне этого не хочется... отомстить за то, что я не Бог... И тогда мне пришло в голову: Нуль, Нуль, Абсолютный Нуль — вот мое божеество, вот цель моего вожделения. Ведь в “ничто” все равны: и Бог, и гений; и человек, и червь. Нуль — это мое мщение Богу; нуль — это мое величие, ибо, если всё — весь мир и Бог — разрушится и превратится в ничто, только тогда, в этом бездонном нуле, я сравняюсь с Абсолютом; эдакое единство Бога и человека, единство в ничтожестве, — хихикнул я. — Наконец, субъективное предвкушение “ничто” стирает все грани, приравнивает ничтожное и великое, человека и Бога... Упившись такими идеями, я с подвыванием ликовал, замечая, что мир во многом идет к саморазрушению; но так как “мир” существовал практически только в моем сознании, то самоубийство для меня было формой убийства, убийства идеи мира и Бога. Я возжаждал сам низвести себя до “Нуля”, убивая таким образом не только себя, но все то, что еще существовало в моей душе: и Бога, и все высшее, и все взлеты. Возмечтав, истерично поверил я и в то — вера, вера наше спасение! — что и “мир вне моего сознания” тоже идет к саморазрушению... Нуль, нуль, нуль как величие! В своих мыслях о поглощающем “ничто” я лелеял и свою месть Богу, и низведение недоступного до меня, и месть за свой дрожащий комплекс неполноценности. Садист и мазохист слились во мне в одно лицо. Истерично давил я милых кошечек, попадающихся мне на глаза, и все прекрасное и абсолютное в себе... Какие пути у меня были? Индивидуальное самоубийство я отри-